

Следует также отметить, что помимо включения в структуру русских слов латинских элементов, в настоящее время наблюдается достаточно мощная тенденция к возвращению старой, дореформенной орфографии. В названиях газет, журналов, торговых марок зачастую встречаются изъятые из русского алфавита буквы (ер, ять, и десятеричное, фита). Такие написания также не предусмотрены существующими орфографическими правилами.

Таким образом, в современном русском письме стало достаточно трудно провести четкую грань между правильным и неправильным, нормативным и ненормативным. Чем руководствоваться, когда существующие правила уже не удовлетворяют всех потребностей носителей языка? На что ссылаться, когда словари не успевают отразить все новые слова? Преследовать ли случаи умышленного нарушения орфографии или относиться к ним с пониманием? Как относиться к графическим играм: запретить или разрешить? К сожалению, сейчас перед нами вопросов больше, чем ответов. Одно остается очевидным: эти вопросы требуют внимательнейшего, скрупулезного изучения и исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008. 232 с.
2. Нечаева И. В. Правописание иноязычных слов в свете действующих правил орфографии // Русский язык в школе. 2004. № 5. С. 76-81.

Ольга
Ивановна
ГОЛОВАНОВА

ГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТА В ПАМЯТНИКАХ ТЮМЕНСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ 2 пол. XVIII в.

В статье на материале следственных дел Тюменского уезда рассматривается графика 2 пол. XVIII в. Фиксируется графическая индивидуальность исполнителей текстов в рамках скорописной традиции.

Развитие языка XVIII в. тесно связано с развитием общества во всей совокупности экономических, политических и культурных аспектов. Так, введение Петром I в 1708–1710 гг. гражданского ал-

фавита привело к изменению характера начертаний букв. Однако принять новый алфавит или следовать традиции — вопрос, который на протяжении некоторого «переходного» этапа стоял перед каждым составителем или переписчиком текста.

Проанализированные нами 15 следственных дел Тюменского нижнего земского суда (130 документов), что составляет более 400 страниц рукописного текста, фиксируют упрощенный вариант скорописи, выработку у чиновников и служащих «писарского почерка» (буквы при этом принимали более закругленную форму).

Скоропись, пришедшая на смену уставу и полууставу, по словам И. В. Левочкина, «наиболее распространенный тип делового письма (с XV в.); характеризуется большой свободой начертания букв кириллического алфавита, большим количеством лигатур и выносных знаков, нарушающих линейность строки текста» [Левочкин 2003: 166]. Русский палеограф В. Н. Щепкин писал: «Скоропись есть особый вид письма, имеющий целью исключительно экономию времени или ускорение процесса письма, притом — значительное» [Щепкин 1999: 118]. Ускорение достигается: 1) «большой свободой тех нажимов и взмахов, коими конечности букв выводятся вверх или вниз»; 2) «безотрывистым написаниями соседних букв»; 3) «более многочисленными сокращениями» [Там же: 148]. Исследователи видят причины распространения скорописного письма «в бурном развитии хозяйственной жизни и возникновении специфических потребностей деловой письменности» [Левочкин 2003: 80]; в «появлении большой частной переписки, широком распространении грамотности» [Муравьев 1975: 15]. Скоропись, служащая практическим целям, получила распространение уже в XV в., а в XVI–XVII вв. — господствовала. По словам А. В. Муравьева, с развитием «скорого обычая» появляются «признаки индивидуального почерка» [Муравьев 1975: 16]

Почерк — «это совокупность индивидуальных особенностей письма или иного человека, объективно проявлявшихся в конкретном тексте. Сюда входит: графика букв, строчные и надстрочные знаки, манера сокращения слов, а также общий вид текста — расположения письма на листе (плотность написания букв и т. д.)» [Левочкин 2003: 125].

В анализируемых текстах буква «А» иногда заменялась греческой «альфа», что зафиксировано в наших материалах в конце слов, напр., *Анна, суда*. Устойчивостью обладают в письме буквы, отмененные Петром I: **Ω** (омега) (ограничена в употреблении) использовалась в предлогах и приставках, напр., *ωбыскъ*; **Ξ** (кси) зафиксирована в именах собственных и заимствованных словах, напр., *Алеѡи, Оѡинья, S* (зело) (ограниченно), напр., *покаSаль*. Широко представлена лигатура **Ѹ** (ук), напр., *сѸдъ, Ѹстьницынская слобода, потомѸ, ТаратѸтинѸ, окрѸга*; **Ѳ** (фита), напр., *Ѳоминский волостной судъ, Ѳевраль, Ѳедор* и т. д.

В текстах не всегда последовательно применялись новые буквы э, й, напр., *экспедиція — экспедиція; волостной — волостной* и т. д. Буква **I** ис-

пользовалась в следующих позициях: 1) перед гласным, напр., *коллегія*; 2) в роли сочинительного союза I или в составе союза, напр., *или*. Своеобразным фактом является написание [ʼo] под ударением, напр., *лошадіонка*, *наперіод* и т. д. Буква ѣ (ять) присутствует в официальном алфавите XVIII в., но отсутствует во многих, в том числе тюменских, почерках, что «может быть связано с отражением на письме совпадения живого звучания [ě], а также с невысоким уровнем грамотности писавших» [Скоропись 2003: 45]. О. В. Трофимова пишет о подобных случаях: «Общее впечатление от анализа таких параллелей заключается в том, что в рукописном тексте более частотны написания с Е на месте нормативного в то время ЯТЬ» [Трофимова 2004: 69]. Наблюдения выявили непоследовательное использование ѣ писчиком Червишевского волостного суда Алексеем Михайловым. В начальном блоке протокола допроса, требующем переписывания постоянных компонентов с существующих образцов и ввода переменных составляющих, копиист использовал «ять», однако в основном тексте, где используется более свободной вариант изложения информации, буква «ять» отсутствует: «I^н = ясаинои татаринь Юсупъ Азановъ = о^т родѣ ему сорокъ лѣтъ в грамоте по махOMETанскому закону писа^т неско^лко умѣитъ а читать не знае^т по руски говори^т умѣет же; жена^т дети и имѣетъ четыре^х сыно^в и две дочери, жи^т до пожара в означенны^х юрта^х Акиярски^х свои^м домо^м = скотово^дство и хлебопашество производитъ, напре^д сего в штрафа^х наказанія^х и ни в каки^х подозрениа^х никогда и ни за что не быва^л»; «и в тот же самой часъ услыша^л онъ Юсупъ что кричитъ руской человекъ, что де юрта твоя гори^т почему онъ Юсупъ в ту жь самую минуту выбежа^л на улицѣ = и увиде^л кричи^т Червишевскаго волостнаго суда староста Луппъ Кособоро^в = а также увидель что на юрте ево крышка гори^т и онъ Юсупъ вскочилъ на кровлю и нача^л разбрасыва^т драицы = а при то^м кричатъ что юрта ево гори^т почему и збежалось на крыкъ ево татаръ человекъ до пяти кои потому ^ж стали огонь туши^т но однако уня^т не могли» [И-10. Д. 3246. ЛЛ. 4, 4 об.]. В текстах следственных документов непоследовательно употребляется Ъ: напр., в слове *денги* отсутствует, но зафиксирован, напр., в слове *крестьянинъ*.

Отличительной чертой графического облика исследуемых текстов являлось широкое употребление выносных согласных букв, которые были вытеснены постепенно лишь в XIX в.: *в, з, д, ж, м, н, т, х, с, р, з*; гласных: *и, у*. Часто выносились частица *ж*.

Выносных в слове может быть одна, две или три, напр., *до^м, о^бъявля^л, о^тста^вно^му прапо^рщику, пре^дставляе^т, со^бстве^нно^м ло^тки*. Выносятся иногда две буквы, стоящие рядом, напр., *су^д, е^м, бы^ли*. Из двух одинаковых согласных букв, стоящих рядом, всегда выносится первая, напр., *на по^дли^но^м, ко^ллежско^м*. Позиции выносных букв следующие: конец слова, положение в середине слова перед согласным, конец строки, напр., *въ юрта^х, зе^мскои су^д, в означе^нной деревне, приеха^л*. Реже выносились буквы перед гласной,

напр., *Ма^ря, о^бяви^л*, в начале слова *о^ру^жи*. Употребление выносной на месте согласной с необозначенной на письме мягкостью вообще является частотным явлением, напр., *де^нги, Тобо^лскъ, Во^лскъ* и др.

Как отмечают представители группы южноуральских исследователей под рук. Л. А. Глинкиной, применительно к региональным текстам количество выносных букв, в отличие от XVII в., меньше, но они «возможны в тех же положениях, что и в XVII в.» [Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. 3. 2001: 59; Сивкова 1999: 10]. Факторами, способствующими вынесению буквы в письме к XVIII в., являются позиция (конец слова, середина слова перед согласным), граница морфем и, возможно, длина слова [Скоропись 2003: 51], которые можно рассматривать, на наш взгляд, в качестве формальных условий для увеличения скорости написания.

Основополагающим фактором использования выносных букв в изучаемых тюменских текстах, насколько можно судить вследствие проведенного нами анализа, является уровень образованности, практическая выучка писца, а также его возраст. В качестве примера приведем следующие отрывки текстов. Все взятые произвольно фрагменты состоят из 25 транслитерированных компьютерных строк: Григорий Загорский — 25 употребления выносных букв: *«сего 1793 года декабря 16 числа то есть в четвертокъ около полудень шель онъ Евдокимо^в на свое гумно, и в поводу ве^л собственную свою лоша^д кобыл^ь шерстью гнедую — повстречалса съ едуци^и на запряженнои в пошевня^х одной лошади кобыле голубои а другая лошадь кобыла ^ж серая привязана была позади пошевень а жеребенокъ коурои также привязанъ был у оглобли с незнакомы^и члвко^и с которы^и остановясь спрашива^л ево что онъ о^тколь и где былъ которой ему Евдокимов^ъ говори^л что онъ Ял^ьторовскои оруги Саламатовскои волости деревни Ильинои крестьянинъ Елисей а чеи пишетца онъ не упомянуть ...»* [И. -10. Д. 3201. Л. 23 об.]; Лука Милкеев — 31 употр.; Павел Кудрин — 30 употр.; писец ТНЗС («автор» не установлен) — 107 употр.; Алексей Михайлов, писчик Червишевского волостного суда — 61 употр.; писец из Ишимского нижнего земского суда — 18 употр. и т. д.

Анализ разрозненных документов позволил восстановить биографию Григория Загорского. Это сын губернского регистратора Степана (Стефана) Загорского, прослужившего с 1753 г. по 1777 г. в Тюменской воеводской канцелярии сначала писцом, затем секретарем, а с 1784 г. по 1791 г. — секретарем Тюменского нижнего земского суда. Григорий Загорский родился в 1773 г. и, продолжая семейную традицию, с четырнадцатилетнего возраста (1787 г.) служил копиистом в Тюменском нижнем земском суде. В 1790 г. (17-ти лет) он продвинулся по служебной лестнице до канцеляриста, а в 1794 г., когда ему исполнился 21 год — до должности регистратора, что соответствовало, согласно «Табели о рангах», 14-му разряду. Этот разряд являлся начальным звеном в служебной карьере для дворян и служащих в губернских и центральных учреждениях, но «потолком» для уездных служителей. В послуж-

ном списке Загорского от 1788 г. в графе «*К повышению чинами достоинь или не достоинь?*» значится: «*к продолжению статской службы способень*» [И-10. Д. 2110. Л. 5]. Таким образом, Григорий Загорский продолжал династию в сфере деятельности, где знания и навыки канцелярской работы достаточно часто передавались от отца к сыну, а раннее его продвижение его по служебной лестнице (на фоне, естественно, авторитета отца) свидетельствует о его достаточной образованности и компетентности.

Приведем пример дублирования одного и того же фрагмента, исполненного разными субъектами письма: Василием Марковым, копиистом Устьеницинского волостного суда (1 вариант) и регистратором ТНЗС Григорием Загорским (2 вариант): *по^т дворомъ — по^д дворомъ, будучи жь — будучи жь, откачивали — откачивали, тихимъ образомъ — тихимъ образомъ, в скоромъ времени — в скоромъ времени*. Таким образом, фрагменты текстов доказывают графическую самостоятельность и индивидуальность писцов, что является показателем их письменной культуры. Индивидуальные почерки сохранили также различное начертание строчных и выносных букв в одном и том же почерке. Каждая буква могла иметь несколько вариантов написания.

Часть выносных букв представляет собой вариант строчного знака, но меньших размеров: вертикально расположенные буквы *б, г, д, к, н, т*, горизонтально расположенные *в, р, з*. Отличаются от изображений строчных букв выносные *ж, и, л*.

Традиционной чертой для скорописных текстов XVIII в. являются сокращения: а) в словах *гдинь, снь, нне, стаго, члвкъ, мц, мсц, ЕЯ ІВ* и т. д. с помощью надстрочного знака — титла; б) при наименовании денежных знаков: *ру, ко*, присущие только деловому письму; в) при вхождении документа в ТНЗС сокращение в реквизите «дата» года — *г*, числа — *ч*, а также названия присутственного места *ЗС* (земский суд) в черновиках; г) обозначение на письме порядковых числительных в виде цифры и последних букв окончания. По поводу этого типа сокращения известно мнение исследователей о том, что, «скорее, это не особый способ сокращения, а застывшие выносные буквы» [Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. 3. 2001: 61].

Таким образом, графические наблюдения над «пережившими» более чем два столетия рукописными текстами показали, что во второй половине XVIII в. данный вид письма (скоропись) постепенно начинает приобретать более «спокойный» вид. Как и в общероссийской практике, в тюменских документах количество выносных букв и слов под титлами значительно уменьшается. Отметим особую беглость скорописи помет и исправлений, приобретавшую местами неаккуратный характер в собственноручных подписях и в черновых вариантах документов. Идет дальнейшее формирование «писарского» почерка. Документы фиксируют графическую индивидуальность их исполнителей в рамках скорописной традиции. Состав алфавита тюменских текстов соответствует общероссийскому алфавиту

гражданского письма XVIII в., с таким же, как в южноуральских документах, отставанием «в установлении каллиграфических норм курсивного письма в среднем на 10–15–20 лет» [Белоконь. Цит. по: Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. 3. 2002: 64].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАТО. И-10. Д. 2110. Ведомость на секретарей и канцелярских служителей Тюменского нижнего земского суда (июль 1788 г. — июнь 1779 г.).
2. ГАТО. И-10. Д. 2146. Следственное дело о пожаре в Больших Акиярских юртах.
3. ГАТО. И-10. Д. 3201. Следственное дело о мертвом теле, найденном в Червишевской волости.
4. Левочкин И. В. Основы русской палеографии. М.: Круг, 2003. 176 с.
5. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Очерки по языку деловой письменности XVIII в. Ч. 3 / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. Челябинск: Изд-во ЧПГУ, 2001. 266 с.
6. Муравьев А. В. Палеография: учеб.-метод. пос. со сборн. снимков с русского письма XI–XVIII вв. М.: Изд-во МГУ, 1975. 103 с.
7. Скоропись XVIII в.: учеб. пособие / под общ. Л. А. Глинкиной. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. 106 с.
8. Трофимова О. В. Документы из Тюменского заказного духовного правления «для сочинения нового исправн-йшаго Россійскаго атласа» 1760 г. // Традиции славяно-русской культуры в Сибири: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. С. 69–74.
9. Щепкин В. Н. Русская палеография. М.: Аспект Пресс, 1999. 270 с.

О. Власов. ЧИКА ЗАРУБИН